

Бунин И. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 — 1909 г.
/ Коммент. В. Титовой //Художественная литература, М., 1987
FB2: WZ (WW_ZZ), 2 октября 2019, version 1.0
UUID: B44AA1DB-81D0-4795-A0C6-967D8B0A5C09
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Федосевна

Содержание

#1	0005
Комментарии	0015

Иван Алексеевич Бунин
ФЕДОСЕВНА

На большой дороге, в полуверсте от которой начинается деревня, в сумерки сидела старуха. Была глубокая осень, стояли последние холодные грязи, и старый прохожий человек, сидящий в такую пору в поле, производил немного странное впечатление.

Вероятно, это почувствовал и Гришка Матюхин, который проезжал домой со станции, куда возили овес от баскаковского барина.

По крайней мере, он приподнялся в телеге, сдвинул на затылок картуз и долго глядел на старуху, а поравнявшись с межою, на которой она смиренно сидела, положив около себя палку и мешок, не вытерпел и крикнул:

— Тетка Федосевна!

Федосевна встрепенулась и боязливоглянула на Гришку.

— Это ты, что ль? — повторил он, улыбаясь.

— Я, батюшка, я, — поспешила ответить Федосевна.

— Чтой-то ты, аль перепелов ловишь?

— Нет, я так... уморилась... я пойду.

И Федосевна стала собираться. Завязала

мешок, бережно подняла вывалившуюся горбушку хлеба, укусила от нее и опять спрятала за пазуху; потом взяла палку и побрела по меже к деревне.

«Озорники ребята! — думала она. — Ишь нашел кого обидеть — старуху старую!.. Перепелов... Ровесница я ему!»

...Темнело, и сбоку несло резким холодом. Оттого, что набегали белесоватые тучи, по полям сгущались тени, неровно и бледно-сумрачно. Не то отсталый, запоздавший грач, не то ворон снялся с межи и боком, низко пронесся над пашнями... И вдруг в воздухе понеслись, замелькали первые снежинки. Через пашни, по кочкам стало сыпать и заметать мелкою белою пылью. Все забелело, а лесочки почернели, выделились среди них, отодвинулись дальше и как-то сразу оказались одинокими и покинутыми в чистом поле...

«Зазимок пришел», — подумала Федосевна.

Эта мысль заставила ее почувствовать нечто вроде страха перед этою первою вьюгою и холодом побелевших пашен. А ну как Осип не примет ее к себе? Куда деваться?

«Озорной народ стал», — повторила она,

вспоминая и насмешку Гришки, и мальчишек, которые иногда для смеха натравливали на нее собак, и характер Осипа... На глазах у нее наворачивались слезы...

Да и было от чего заплакать. Немало пришлось вытерпеть ей.

Уже давно она была на вдовьем положении. Лет шесть тому назад, как-то весною, Лукьян пошел на вал около господского сада нарезать на плетушку лозиновых прутьиков и положил в карман полушубка хлебный нож. Вечер был темный — хоть глаз выколи, сыррой, и в логу в мартовском густом тумане шумела полая вода. Еле добрался Лукьян до вала; нарезал прутьев, связал их оборочкою, посидел, покурил и пошел обратно. Но вдруг со двора поднялся лай и вой господских гончих. Кто-то уже близко шлепал по грязи и посвистывал, подраживая собак. Лукьян сбежал с вала, хотел прыгнуть через ров и поскользнулся... Нож прохватил ему полушубок и почти весь врезался в левый бок.

Помер Лукьян, и «мир» взял у Федосевны надел. Оставил ей только избу и огород. В избе в одном углу жил сапожник, переселив-

шийся из Каменки, и платил за квартиру двадцать копеек в месяц; в другом углу жила сама Федосевна с двумя своими девками — Аксютю и Парашкою. Огород снимал сосед Демочка, холостой женоподобный мужик, который сам ткал «кросна», стирал на пруде белье и пел высоким фальцетом: «Я вечер в лужках гуляла», за что и пользовался в деревне самыми смешными прозвищами.

Только этими доходами да поденщиною и жила Федосевна. Правда, когда Парашка вышла в Каменку замуж, стало хуже — приходилось изредка ходить побираться, но все-таки можно было кое-как жить. Но приходила голодовка и очень рано посетила Федосевну. Худощавая, «востроносая» Аксютка не вынесла даже и двух месяцев еды землянисто-зеленоватого, липкого хлеба, заболела и, может быть, от этого, а может быть, отчего другого, померла на пятой неделе поста... Федосевна так оторопела от горя, что стала неузнаваема в несколько дней.

Кормиться стало нечем. Сапожник ушел в село, а огород Демочка по такому времени не снял. Парашкиному мужу было бы не грех

приютить почти совсем слепую, слабую, слезливую старуху, но он был не такой человек, чтобы кормить лишний рот. Приходилось побираться. И Федосевна пошла. Заперла свою хибарку и пошла куда глаза глядят.

Летом было совсем хорошо: идешь, уморишься, — можно лечь и заснуть на первой меже; лапти были еще совсем новые, а на кресте завязано восемь целковых. Больше Федосевна не успела скопить; думала на старости лет хоть похорониться как люди, купить «покрывало», сшить рубаху. Но пришлось все деньги, копеечку за копеечку, на хлеб и на лук истратить.

Осенью же стало плохо: холод, лапти растрепались, деньги вышли, подавать «скорочки» перестали. А тут еще удушье; вот как иногда схватит кашель, кажется — душа выходит.

Долгая жизнь с беспечальным девичеством, с тяжелым замужеством, с семейными радостями и печалью осталась где-то далеко-далеко... Федосевна еле ходила.

Теперь она добиралась до Каменки. В Каменке жила Парашка.

«Не прогонит, — думала Федосевна, — хоть недельку погощу. Небось ребятишки-то большие стали... Деточки несмысленные!..»

И надежда повидать родимых ребятишек, побыть в теплой избе, съесть мягкого хлебца заставляла ее идти поспешнее... А когда Каменка зачернела совсем близко, у Федосевны так застучало сердце, что она едва держала мешок и ежеминутно поскальзывалась по грязи... Вот и пруд, большой, размытый водою ров у спуска, а за ним на горке изба Парашки... Около избы кружилась овца, а за нею бегала баба, выкрикивая скороговоркою:

— Кытя-кытя-кытя-кытя!.. Федька, забеги справа!

— Постой, я подмогу! — с дрогнувшею улыбкой слабо крикнула Федосевна.

II

...Загасили огонь и давно спали. Тишина теплой темной избы словно дышала тихим дыханием спящих и легким храпом. Не спала только она одна.

Кашель совсем замучил ее — всю грудь и голову отбил. Дышать было страшно неловко

и тяжело, тело горело, ноги — как во льду. По временам Федосевне становилось так страшно — неприятно, что она изнемогала, забывалась и, когда открывала глаза, долго не могла понять, где она. Темная изба казалась ей какою-то низкою могилою, погребом...

Но на душе у старухи было тепло. Парашка — ласкова, Осип — ничего, даже поздоровался и все смеялся одними глазами, когда она за ужином согрелась, повеселела и начала рассказывать, что она видела и слышала... Можно, значит, отдохнуть, погостить... Только ребятишки не шли. Боятся.

«Немысленные!»—думала Федосевна с грустною нежностью про детей и про Парашку, которую она как-то особенно любила теперь, и в темноте утирала слезы, пока кашель не заставлял ее забывать все на свете.

Кашель ее разбудил, наконец, Осипа. Он был мужик суровый и насмешливый, и потому, проснувшись, он первым делом пробормотал:

— Однакось! Здорово выделявает!

Федосевна притихла и изо всех сил стала сдерживать приступы кашля. Но, когда Осип

стал уже задремывать, не выдержала и так раскашлялась со стоном и хрипом, что разбудила и Парашку. Почесываясь под мышками, она заворочалась и пробормотала:

— Что же это, господи, спать-то не дают!

Осип молча раскуривал трубку. Увидав свет от серника, Федосевна еще более напряглась, чтобы не кашлять, боязливо ждала и не хотела услышать чего-нибудь нехорошего.

Но Осип сейчас же начал:

— Ну, бабка! И чего не спит? Сидит, как шишига ночная!

— Ну, чего брешешь? — сказала Парашка недовольным шепотом.

— Жалеешь? — возразил Осип, сплевывая с трубки.

Парашка молчала.

— Навязали осел на шею, — продолжал Осип как бы сам с собою. — Харчевито по нынешнему времени... Да еще и бабка-то, говорят, блажная, не приведи господи!..

— Да что ты привязался к ней? — опять сказала Парашка.

— А то что же... Вот как помрет, — она ведь мышей не топчет, — так увидишь!

— Помрет — похороним.

— Похороним... Еще судьбище заведешь.

— Что ж, по-твоему, делать?

Осип помолчал и пососал трубку, пыхтя и сопя носом.

— Мне что ж... — сказал он. — А только бабке этой самой надо — с богом.

— У, глаза твои непутевые! — особенно выразительно и зло прошептала Парашка, так что у нее вышло: «У глазат твои непутевые».

Осип повернулся и замолк.

Все опять затихло, но Федосевна сидела как пришибленная... Уже долго погодя она через силу, как во сне, слезла с печки, подошла к ведру и долго с жадностью пила вонючую прудовую воду... Возвратившись на печку, она тихо-тихо плакала и не удерживала слез...

...На рассвете, когда она только что забылась, ее разбудила Парашка. Она возилась у печки и говорила притворно-весело и ласково:

— Мамушка! Будя спать-то! Вставай, я тебе лепешку спекла на дорожку.

— На дорожку? — почти бессознательно

переспросила Федосевна. — Да я было, дочка...

— Прихлебнешь с кваском, да и пойдешь сытая...

Федосевна трясущимися руками завязала мешочек, торопливо слезла с печи и пошла к двери.

— Куда ж ты! Ты хоть лепешку-то! — крикнула ей вслед Парашка. Но Федосевна уже брела по деревне, плакала и отбивалась от собак, сама не зная, куда идет.

Дня через три или четыре, в холодный вечер, помещик Чибисов наехал с охотою на мертвое тело. У дороги, на картофельной ботве, лежала старуха. Резкий ветер шуршал ботвою, а дождь моросил и моросил на ее лохмотья и пустой мешок...

Комментарии

Газ. «Орловский вестник», 1891, № 47, 17 февраля, под заглавием «Дементевна». В 1899 г. вошел в сборник «Три рассказа», изданный в Харькове (два других рассказа принадлежали К. Лукашевич — «Стрелочник» и П. Заблочкой — «Сиротка»). Печатается по тексту сб. «Три рассказа».